

трансформацией обряда объясняется и «противоречивость» данных о тех или иных воззрениях и обычаях (стр. 133, 265—267) и новое осмысление обрядов народами Сибири.

Нетрудно заметить, что авторы отдельных статей по некоторым вопросам стоят на разных позициях: для одних, чтобы утверждать наличие тотемизма у изучаемого народа, достаточно существования запрета убивать животное (Валеев, стр. 324), для других необходим весь комплекс признаков этого явления (Хомич, стр. 26—27); одни говорят об аниматизме как стадии, предшествующей анимизму (Хомич, стр. 20), другие вообще отрицают наличие подобных представлений (Смоляк, стр. 142—143). Неравномерно оценивается значение работ по истории религии А. Ф. Анисимова (Вдовин, стр. 7—8, Смоляк, стр. 147—150). Различно употребление авторами терминов, в этом у коллектива книги не было полной договоренности; например, по-разному употребляются термины «духи-хозяева», «хозяева», «духи».

По-разному авторы употребляют и термины «шаманизм» и «шаманство» (Вдовин, Прокофьева, Смоляк, Михайлов). Во введении и в своей статье И. С. Вдовин предлагает новое толкование термина «шаманизм» («форма религиозного сознания», «религиозная система», «религиозное сознание людей» — т. е. по существу все ранние формы религии), «шаманство» (шаманы и их действия). Нам кажется, что это не очень удачное предложение. Помимо соображений о привычности понимания давно существующих терминов³, надо учитывать и принципиальные различия между отдельными ранними формами религии в целом и шаманизмом как одной из таких форм. Не случайно в последнее время сибиреведы подчеркивают отсутствие связи целого ряда верований и обрядов с шаманизмом (в данной книге это делает А. В. Смоляк), а также сравнительно позднее возникновение шаманизма как формы первобытной религии.

К сожалению, в некоторых статьях есть неясные или неаргументированные положения. Например, не ясно, почему мифы и легенды о потопе у ненцев генетически связаны с библейским мифом о потопе (Хомич, стр. 18). Неясно также, почему кровавые жертвоприношения объясняются «поздними влияниями» (Смоляк, стр. 136, 155), почему у сибирских татар представления о душе были связаны с культом предков (Валеев, стр. 322). А. В. Смоляк дважды критикует А. Ф. Анисимова за то, что он не объяснил причин ряда запретов на участие в обрядах культа медведя женщин (стр. 147, 150), но сама никак не объясняет их у нанайцев. Вряд ли сюжет о браке медведя и человека так легко, как это делает А. В. Смоляк, можно зачислить в число типичных «странствующих фольклорных сюжетов» и этим зачеркнуть его тотемические корни (стр. 150—151).

Несмотря на эти критические замечания, несомненно, вероятно, иногда дискуссионный характер, подчеркнем, что рецензируемая книга — серьезный вклад в изучение истории религии. Книга ленинградских сибиреведов послужит хорошим стимулом для дальнейших исследований в этой области, и существенной базой для теоретических религиоведческих исследований.

З. П. Соколова

³ Мы исходим из определения шаманизма, данного С. А. Токаревым в работе «Ранние формы религии». М., 1964, с. 283.

Ю. Б. Симченко. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976, 310 с.

Одной из важных составных частей так называемой циркумполярной культуры является культура охотников на дикого северного оленя. Археологическими и этнографическими данными эта культура зафиксирована на территории всего Севера Евразии, а также в ряде областей Американского Севера. Если на Севере Евразии она, несомненно, является древней и восходит ко времени освоения человеком высоких широт, то на Американском Севере культура охотников на оленя-карибу, как это показали новейшие исследования, возникла лишь во второй половине нашего тысячелетия и вторична по отношению к культуре морских зверобоев.

Поэтому вполне оправдано, что автор рецензируемой книги реконструирует древнюю культуру охотников на дикого северного оленя именно на евразийском, а не на американском материале. Такая реконструкция крайне затрудняется тем, что к началу XX в. эта культура на Севере Евразийского материка в ее «чистом» виде фактически исчезла. Даже иганасаны — народ, наиболее полно сохранивший элементы этой культуры, — стали оленеводами уже в конце XIX в. Для решения поставленных задач автору пришлось привлечь материалы различных научных дисциплин: этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, ботаники, зоологии, климатологии и др. Не удивительно, что при таком подходе далеко не все стороны исследуемой проблемы освещены автором с одинаковой степенью глубины и доказательности. Тем не менее в целом автору удалось преодолеть стоявшие перед ним трудности и создать оригинальную и во многом новаторскую работу.

Мы имеем в виду прежде всего упомянутый выше комплексный подход к проблеме, а также выявление причинной зависимости между охотой на дикого северного оленя и формированием материальной, духовной культуры и социальной организации аборигенов тундровой полосы Северной Евразии.

Работа Ю. Б. Симченко состоит из семи глав, введения, заключения и списка литературы. Первая глава носит историографический характер и содержит обзор существующих в литературе взглядов на проблему циркумполярной культуры. Особое место автор при этом уделяет гипотезе В. Н. Чернецова о происхождении неолитического населения Северной Евразии и роли в этом процессе праюкагирских элементов. Во второй главе по данным лингвистики и антропологии, по материалам анализа родового состава и фольклора народов Заполярья и Приполярья, рассматривается этническая принадлежность бореального субстрата. В этой же главе значительное внимание уделяется таким вопросам, как проблема одомашнивания северного оленя, возникновение оленеводства, численность и расселение древних охотников на дикого оленя в Северной Евразии и т. д. В третьей главе содержится описание основных промыслов аборигенного населения, в четвертой и пятой главах характеризуется его материальная культура, в шестой и седьмой — социальная организация и основные элементы мировоззрения. Из выводов автора, сформулированных в заключении рецензируемого исследования, наиболее интересными нам представляются следующие: установленная автором на основании расчета состояния биологического равновесия и комплекса арктической фауны и флоры численность древних охотников на территории континентальной тундры от Скандинавии до Чукотки в количестве всего лишь 10—11 тыс. чел. (стр. 281), четкая сопряженность характера массовой добычи дикого оленя и численности населения, для которого эти животные являлись основным объектом добычи (стр. 283), существование у охотников на дикого северного оленя в прошлом материнского рода (стр. 287) и др.

Однако в этой интересной работе, посвященной столь широкому кругу проблем, есть спорные или недостаточно доказанные положения. Так, Ю. Б. Симченко, на наш взгляд, явно приуменьшает древность культуры морских зверобоев Северо-Востока Евразии в циркумполярном хозяйственном комплексе. Действительно, до самого последнего времени культура охотников на морского зверя на Чукотке, по археологическим данным, прослеживалась лишь по материалам не древнее последних веков до нашей эры. В то же время на американском побережье Берингова пролива, а также в Гренландии промысел морского зверя стал основным занятием некоторых групп населения уже за 1,5—2 тыс. лет до н. э. Как показали последние исследования Н. Н. Дикова на о. Врангеля, элементы культуры морских зверобоев и здесь также восходят примерно к указанному времени¹. Очевидно, что морской зверобойный промысел на северо-востоке Азиатского материка может быть сопоставим по времени с культурой охотников на дикого северного оленя на основной части Евразийского континента.

Нельзя согласиться и с некоторыми положениями автора относительно социальной организации охотников на дикого оленя. Например, на стр. 199 Ю. Б. Симченко утверждает, что групповые брачные отношения у народов циркумполярной зоны в связи с развитием оленеводства «переродились в обычай „товарищества по жене“». Далее автор пишет, что свою хозяйственную основу групповой брак утратил при имущественном обособлении. Таким образом, судя по данным Ю. Б. Симченко, получается, что групповой брак у этих народов сохранялся вплоть до конца XIX в. Именно к этому времени у нганасан, данными о которых чаще всего оперирует автор, получило развитие крупнотабуное оленеводство. Тогда же, если не позже, судя по этнографическим материалам, у них впервые фиксируются и элементы частнособственнического уклада.

Вряд ли на сравнительно ограниченном материале по двум народам (нганасаны и кеты) можно делать общий вывод о времени появления кросс-кузенного брака как системы во время окончательного установления «однолинейной отцовско-родовой экзогамии» (стр. 220, 288), пересматривая таким образом установившийся взгляд на значительно более раннее появление этого института.

Мы не можем согласиться и с утверждением автора об аморфности экзогамных общностей аборигенов высоких широт (стр. 280). Представляется, что эти общности, как и все экзогамные коллективы доклассовых обществ, имели достаточно четко выраженные границы.

Явным недоразумением является утверждение Ю. Б. Симченко, сделанное им со ссылкой на работу А. А. Попова, о том, что у енисейских ненцев браки внутри (разрядка наша.— В. В., Л. Ф.) рода матери «считались наиболее желательными» (стр. 208). А. А. Попов описывает отцовский род енисейских ненцев («юраков»), у которых, как и у многих этнографических групп земного шара, был распространен обычай брать жену из того же рода, к которому принадлежала мать.

Имеется в работе и ряд неточностей более частного характера. Так, на стр. 54 автор пишет, что енисейские энцы «делятся на три рода, в числе которых имеется род Мадду, именуемый соседями энцев Самату». По нашим данным, в составе энцев насчитывается 11 родов (7 у тундровых и 4 у лесных). Мадду — не название рода, а так же, как и Самату, является самоназванием тундровых энцев. Искривлены в работе и названия ряда других энецких родов: Мункаси (вместо Мутгади), Вай (вместо Бай) (стр. 62).

¹ Н. Н. Диков. Открытие древнейшей азиатской культуры морских зверобоев на острове Врангеля.— «Археологические открытия 1975 г.» М., 1976, с. 234.

226). Особенно не повезло в этом отношении небольшому роду Тадобэ, название которого встречается в работе в трех различных написаниях: Гадэбе, Тадэбэ, Тадебе (стр. 62, 105, 167).

Приводимые автором материалы по канинским ненцам не подтверждают выводов об автохтонном происхождении ряда ненецких родов Европейского Севера (стр. 42—43). Иначе, чем это рисует Ю. Б. Симченко, представляется и происхождение некоторых ненецких фамилий Канинской тундры. По Ю. Б. Симченко, фамилия Лукоперов ведет свое начало от русских, Ардеевы — выходцы из Тиманской тундры, а Нюровы — из Большеземельской тундры. Как свидетельствуют архивные документы конца XVIII — начала XIX в., все эти фамилии являются местными, канинскими². Нельзя согласиться с автором и в том, что прежним названием рода Ванюта (Вануйта) было Ламбэй (Лампай), из чего он делает важный вывод о существовании этнически однородного субстрата, заселявшего до прихода самодийцев тундровую зону как на Канине, так и за Уралом. Скорее всего, название Ламбэй в роде Вануйта (Ванюта) является патронимическим и восходит к прозвищу некоего Тимофея Афанасьева Ванюта — большеземельского оленевода, стада которого в середине XIX в. постоянно выпасались в Канинской тундре³.

Досадные неточности есть и в характеристике материальной культуры. Например, на стр. 164 сказано, что чум имеет деревянное покрытие — лата (нганас.). В действительности этим термином в нганасанском языке называются доски, которые при установке чума укладывают по обе стороны очага.

Что касается источниковедческой базы исследования, то в упрек автору можно поставить отсутствие сведений о дате рождения его информаторов. Это представляется важным, поскольку работа Ю. Б. Симченко в значительной степени основана на полевых материалах. В этой же связи отметим некоторые неточности в сносках и в списке литературы. Так, например, работы ряда авторов, упомянутые в тексте без названия, отсутствуют в списке литературы. Наблюдается и разнობой в системе цитирования. В одних случаях сноски даются с указанием страницы, в других (особенно это касается иностранных работ) страница не указывается.

Несмотря на отмеченные спорные места и неточности, мы полагаем, что монография Ю. Б. Симченко — интересное комплексное исследование, которое, очевидно, займет видное место среди трудов, посвященных изучению циркумполярной культуры.

В. И. Васильев, Л. А. Файнберг

² Государственный архив Архангельской области, ф. 51, оп. 11, д. 3258, 8432.

³ Центральный государственный исторический архив, ф. 1291, оп. 82, д. 6, лл. 362—362 об.

А. В. Смоляк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М., 1975, 231 с.

Приамурье и Сахалин — исключительно интересные в этнографическом отношении области нашей страны. Изучающего историю и взаимодействие общественных форм здесь привлекает сочетание двух хозяйственно-культурных типов: оседлых рыболовов и охотников на морского и лесного зверя и кочевников — охотников тайги. Те и другие представлены различными народами — нивхами, ульчами, нанайцами, ороками, негидальцами, с одной стороны, эвенками, ороками, удэгейцами — с другой. Тот, кто интересуется этногенетическими проблемами, обнаруживает, что для этого комплекса хозяйственно-культурных типов характерно в свою очередь сочетание двух групп языков — палеоазиатского — нивхского и тунгусо-маньчжурских.

Сложный узел культурно-исторических и этногенетических проблем, решение которых уводит в глубины истории, давно приковывает к этому региону внимание исследователей. Обширна литература, посвященная ему. А между тем многие кардинальные вопросы еще далеко не решены и перед исследователями по-прежнему открывается здесь необъятное поле деятельности. Рецензируемая работа А. В. Смоляк — автора, хорошо известного исследованиями по этнографии и этнической истории Приамурья и Сахалина, вносит большой вклад в их изучение.

Книга посвящена этническим процессам у народов Нижнего Амура и Сахалина во второй половине XIX — начале XX в. и состоит из трех частей. В первой рассматривается этнический состав населения этой области, во второй — его родовой состав в XIX — начале XX в., третья посвящена межэтническим и внутриэтническим связям. В работе использованы литературные источники, а также обширные архивные материалы. Тщательный их подбор делает насыщенное фактами исследование А. В. Смоляк, в особенности разделы, посвященные этническому и родовому составу народов Нижнего Амура и Сахалина, чрезвычайно ценным.

Автор рассматривает этническую картину такой, какой она сложилась к середине XIX в. Проблема ее формирования в целом, как самостоятельная и достаточно слож-